

15 ЯНВ 43

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

М О Й П У Т Ъ

Я ВЫРОС на степном хуторе верстах в девять от Самары. Мать моя, Александра Леонтьевна, урожденная Тургенева, внучка Николая Ивановича Тургенева, ушла от моего отца, беременная мною. Ее второй муж, мой дядя, Алексей Аполлонович Боестром, был в то время членом земской управы в г. Николаевске — ныне Путяжевск.

Самарское общество 80-х годов, — до того времени, когда в Самаре появились сосланные марксисты, — представляло одну из самых угнетающих картин человеческого санинства. Богатые купцы-мукомолы, купцы-скупщики дворянских имений, живущие от безделья и скуки, разоряющиеся дворяне-«степняки» и — общий фон — мещане, так ярко и о такой ненавистью изображенные Горьким.

Люди спивались и свинели в этом страшном, пыльном, некрасивом городе, окруженном мещанскими слободами.

Моя мать была образованным для того времени человеком и писательницей (она написала роман «Неугомонное сердце», две повести «Захотустье» и ряд детских книг, из которых наиболее популярной была «Подружка»). И вот, когда в Самаре появился мелкопоместный помещик Алексей Аполлонович Боестром, молодой красавец, либерал, читатель книг, человек с «запросами», — перед моей матерью встал вопрос жизни и смерти: разлагаться в свином болоте или уйти к высокой, чистой жизни. И она ушла, унося меня в себе, к новому мужу, к новой жизни...

Алексей Аполлонович не мог ужиться со степными помещиками в Николаевске, не был переизбран в управу и переехал на свой хутор в Основку. Там прошло мое детство.

Сад. Пруды, окруженные ветлами и заросшие камышом. Степная река Чагра. Товарищи — деревенские ребята. Ковыльные степи, где лишь курганы нарушали однообразную линию горизонта... Смены времени года, как огромные и всегда новые события. Все это, и в особенности то, что я рос один, развивало мою мечтательность.

Когда наступала зима к саду и дому заваливало снегами, по ночам раздавался волчий вой, и были от ужаса собаки. Когда ветер нагибал свои песни в печных трубах, — в столовой, бедно обставленной опустошенной комнате, зажигалась височная лампа над круглым столом, и вотчим обычно читал вслух во многих раз Некрасова, Льва Толстого, Тургенева или что-либо из свежих книжки «Вестника Европы».

Детских книг я почти не читал, — можно быть, у меня их и не было. Любимым писателем был Тургенев. Я начал его слушать в зимние вечера, лет семь. Потом — Лев Толстой, Некрасов, Пушкин.

Лет с десяти я начал много читать всё тех же классиков. А года через три, когда меня о труде (так как на вступительных экзаменах я получил почти крупную двойку) поместили в Сызранское реальное училище, я добрался в городскую библиотеку до Жюль-Верна, Фенимора Купера, Майн-Рида и глотал их с упоением.

До поступления в реальное училище я учился дома.

В одну из зим — мне было тогда лет десять — матушка посоветовала мне написать рассказ. Она очень хотела, чтобы я стал писателем. Много ветров я корпел над приключениями мальчишка Стёпки. Из этого моего рассказа я ничего не помню, кроме того, что при описании дунной ночи отразился на импрессионистический приём, указав, что снег блеснул, как бриллиантовый... Должно быть, рассказ про Стёпку вышел неудачным, — матушка меня больше не принуждала к творчеству.

До тринадцати лет я жил созерцательно-мечтательной жизнью. Наиболее глубокое впечатление, живущее во мне по сей день, оставили три годовых года — с 1891 по 1893 год. Земля тогда лежала растрескавшаяся, зелень преждевременно улетала и облетала. Поля стояли жёлтыми, сожжёнными. Горизонт окружал тусклый вал мглы, сжатый вёрв. В деревнях крыши изб были околени, — солому с них сжигали скотины.

Именно вотчина в эти годы едва уцелела, но через несколько лет ему всё же пришлось его продать...

Покинув в 1897 году Основку, мы переехали в Самару в собственннй дом на Саратовской улице, купленный вотчимом на остатки от уплаты долгов по закладным и векселям. Окончив в Самаре в 1901 году реальное училище, я поехал в Петербург, где, сдав конкурсный экзамен, поступил на механическое отделение Технологического института.

Первые литературные опыты я отношу к 16-летнему возрасту. Это были стихи-перепевы из Некрасова и Надсона. Не могу вспомнить, что меня побуждало к их писанию. — должно быть беспредметная мечтательность, не находившая форм. Стихи были серые, и я скоро бросил корпеть над ними... Но всё же меня снова и снова тянуло к какому-то неоформленному ещё процессу осознания. Я любил тетради, чернила, перо... Будучи студентом, я неоднократно возвращался к опытам писания, но это было начало чего-то, не могущего ни оформиться, ни завершиться.

Жил я обычной студенческой жизнью. Участвовал в студенческих волнениях и забастовках, состоял в социал-демократической фракции. Во время демонстрации у Казанского собора в 1903 г. едва не был убит брошенным булыжником, — спасла меня книга, засунутая на груди за пазуху. Когда в 1905 году были открыты высшие учебные заведения, я уехал в Дрезден, где пробыл один год в политехникуме. Там снова начал писать стихи — революционные (какие писали тогда Тан-Богораз и даже молодой Бальмонт) и лирические. Вернувшись в Самару, я показывал их матери, она с грустью сказала, что всё это очень серо. Тетради этой не сохранилось.

Каждой эпохе соответствует своя форма, в которую укладываются ду-

На днях общественность страны отметила 60-летие виднейшего деятеля советской литературы лауреата Сталинской премии академика Алексея Николаевича Толстого.

Ниже мы печатаем автобиографический очерк писателя.

мы, ощущения и страсти. Этой новой формы у меня не было, создать её я ещё не умел, да и не мог.

Летом 1906 года, после смерти моей матери, я уехал в Петербург, чтобы продолжать учение в Технологическом институте. Началась эпоха реакции и с нею вместе на сцену к огням рампы вышли символисты. С их творчеством — Вячеслава Иванова, Бальмонта, Белого — меня познакомил служивший в одном из министерств чудак и фантазёр Константин Сергеевич Фан-дер-Флит. Читая мне у себя в мансарде стихи символистов, он говорил о них с неподражаемым жаром фантазии.

«Слово и дело». Во всём блеске, во всей гениальной силе раскрылись передо мной сокровища русского языка. Я, наконец, понял тайну построения художественной фразы, определяемой жестом — внутренним и внешним — рассказчика.

К первым дням империалистической войны я отношу начало моей работы как драматурга. До этого, в 1913 году, я поставил в московском Малом театре комедию «Насильники». Это была старая тема о дворянском развале, с тем только добавлением, что в ней проникла струйка современности. С четырнадцатого по семнадцатый год я написал и поставил четыре комедии

Алексей Николаевич Толстой.

Тогда же — весной 1907 г. — я написал первую книжку «декадентских стихов». Это была подражательная, наивная и плохая книжка. Но ею для самого себя я продолжил путь к осознанию современной формы поэзии. Уже через год была написана вторая книжка стихов — «За синими реками», от неё я не отказываюсь по сей день. «За синими реками» — это результат моего первого знакомства с русским фольклором, русским народным творчеством.

Тогда же я начал свои первые опыты прозой: «Сорочьи сказки». В этой книге я пытался в сказочной форме отразить свои детские впечатления, первоначальное восприятие природы. Более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Близостью к поэту и переводчику Максимилиану Волошину я обязан началом новеллистической работы. Летом 1910 года я слушал, как он читал свои переводы из Апри-де-Ренья. Меня поразила чеканка образов. Мне нехватало формы и техники, и символисты с их исканием формы, и такие эстетсы, как Ренья, были мне полезны для создания своего художественного стиля.

Осенью 1910 года я написал первую повесть «Неделя в Турене» — одну из тех, которые впоследствии вошли в книгу «Заволжье», а еще позднее — в расширенный том «Под старыми липами» — книгу об эпитагонах дворянского быта той части помещиков, которые перемалывались новыми аземными магнатами — Шехобазовыми.

Затем последовали два романа — «Хромой барин» и «Чудак». На этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности. Я исчерпал эту тему. Вплотную подошёл к проблеме современности. Тут я потерпел крах: повести и рассказы о современности были неудачны, не типичны. Теперь я понимаю причину этого. Я продолжал жить в кругу символистов, реакционное искусство которых не могло отразить современности в преддверии бурно и грозно надвигавшейся революции. Символисты уходили в абстракцию, в мистику, рассказывались по «башням из слоновой кости», где намечались переждать то, что неминуемо надвигалось. Я любил жизнь, всем своим темпераментом я противился абстракции, идеалистическим мировоззрениям. И то, что мне было полезно в 1910 году, вредило и губило меня в 1913-м. Я понимаю, что так быть дальше нельзя. Работал ещё усерднее, но результаты были плачевны: я не видел жизни страны и народа. И только, когда наступила война и я, как военный корреспондент газеты «Русские ведомости», побывал на фронтах, я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя застывший наглухо чёрный сюртук символистов. Я увидел русский народ.

В самом начале Февральской революции я обратился к теме Петра Великого: должно быть, скорее инстинктом художника, чем сознательно, я искал в этой теме загадки русского народа и русской государственности. Историк В. В. Каллаш познакомил меня с архивами, о записями тайной канцелярии —

атре. В 1930 году я написал первую часть романа «Петр I». Через полтора года — роман-памфлет «Чёрное золото», который в 1938 году был переработан мной и опубликован под названием «Эмигранты». Вторую часть «Петра» я закончил в 1934 году.

Обе опубликованные части «Петра» — лишь вступление к третьему роману, наиболее значительному по содержанию и живописности, охватывающему события от воятия Нарвы до смерти Петра. Что привело меня к Петру? Неверно, что я избрал ту эпоху для проекции современности, — это было бы с моей стороны ложно историческим и антихудожественным приёмом. Меня увлекло ощущение полноты, «непричесанной» и творческой силы той жизни, когда о особенной яркостью раскрывался русский характер.

Четыре эпохи влекут меня к изображению по тем же причинам: эпоха Ивана Грозного, Петра, гражданской войны 18—20 годов и, наконец, наша — сегодняшняя — не бывала по размерам и значительности. Но о ней — дело впереди. Чтобы понять в ней тайну русского народа, его величие, — нужно хорошо и глубоко узнать его прошлое: нашу историю, коренные узлы её, трагические и творческие эпохи, в которых завязывался русский характер.

За этот же период мною написано несколько повестей, из которых наиболее значительны «Древний путь» и «Гадюка».

Повесть «Хлеб», которая является необходимым переходом между романом «18-й год» и романом «Хмурое утро» (третьей, заключительной, частью трилогии «Хожение по мукам»), я начал в 1935 году, закончил её осенью 1937 г.

Я слышал много упреков по поводу этой повести, в основном они сводились к тому, что она суха и слишком деловита. В оправдание могу сказать только одно: «Хлеб» был попыткой обработки точного исторического материала художественными средствами; отсюда несомненная связанность фантазии. Но, быть может, когда-нибудь кому-нибудь такая попытка пригодится. Я отстаиваю право писателя на опыт и на ошибки, с ним связанные. К писательскому опыту нужно относиться с уважением, — без дерзаний нет искусства. Любопытно, что «Хлеб», так же как и «Петр», может быть даже в большем количестве, переведен почти на все языки.

Весной 1933 года я написал пьесу «Путь к победе». В этой пьесе взят наиболее тяжёлый момент в судьбе нашей революции: октябрь 1919 года, когда Ленин и Сталин, главные герои пьесы, вывели страну и народ к победе. Пьеса шла на сцене Театра им. Вахтангова.

В этом же году я написал комедию-памфлет на фашизм — «Чортоси», который шёл в Камерном театре и Театре сатиры.

Параллельно с этими работами готовил для Детиздата пять томов русского фольклора (вышел первый том; второй подготовлен к печати).

В день начала войны — 22 июня 1941 года — я окончил роман «Хмурое утро». Готовя к печати всю трилогию, я проредактировал первые две части «Хожения по мукам», и в ближайшее время трилогия будет выпущена однотомником, как единое целое.

«Хожение по мукам» менее известно нашему и зарубежному читателю, чем «Петр». Трилогия писалась на протяжении 22 лет, и читатель ещё до сих пор не видел целиком всего её замысла. Ее тема — возвращение домой, путь на родину. И то, что последние строки, последние страницы «Хмурого утра» дописывались в день, когда наша родина была в огне, убеждает меня в том, что путь этого романа — правильный, и в нём я не покривил душой.

В настоящее время я работаю над второй частью драматургической трилогии «Иван Грозный» (первую часть я написал в 1941 году).

Осенью 1942 года я переработал заново мою комедию «Нечистая сила».

За восемнадцать месяцев войны я написал ряд очерков, статей и повелл, вошедших в сборники «Родина», «Я призываю к ненависти», «Что мы защищаем» и в книжку новелл «Рассказы Ивана Суларева».

Для публицистических своих выступлений повсюду черпаю материал из событий отечественной войны, в которой русский народ проявляет свои удивительные качества отваги, непоколебимой стойкости и ярости в борьбе.